

Светлана Рощина

Небо завтрашнего дня

Сборник фантастических рассказов

12+

Светлана Рощина
Небо завтрашнего дня

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рощина С.

Небо завтрашнего дня / С. Рощина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В рассказе «Перевал» журналистка отправляется в экспедицию в Уральские горы, чтобы выяснить причину гибели советских альпинистов, где находит секретную воинскую часть и оборудование, предназначение которого, в свою очередь, также может претендовать на звание загадки века. В рассказе «Билет на спасение» главный герой выигрывает в лотерею, получая право безнаказанно совершить одно преступление, и замышляет крупную кражу, но его девушка попадает в беду. Сможет ли он уступить ей свой билет? В рассказе «Небо завтрашнего дня» на пороге экологической катастрофы героине предстоит решить, готова ли она спасти свою жизнь ценой жизни сына?

Содержание

Перевал	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Перевал

– Слепцова, для тебя есть задание, – произнёс шеф, едва я переступила порог его кабинета. – Помнится, ты раньше занималась альпинизмом?

– Да, в студенческие годы, – ответила я.

– Отлично. И тебе, Анна, конечно же, известно о загадочной гибели более полувека назад группы молодых альпинистов под руководством Виктора Ястребова.

– Как и всем, – тут же подтвердила я.

– Так вот. Из достоверного источника у меня появилась информация, которая может объяснить причины этой трагедии. Тебе необходимо проверить эти сведения и, в случае их подтверждения, подготовить об этом статью. Справишься?

– Можете не сомневаться, шеф, – ответила я, едва сдерживая азарт предстоящего журналистского расследования.

Работа в журнале «Светские хроники» мне нравилась. Да, приходилось много ездить по стране и совершенно не оставалось времени на то, чтобы обзавестись семьёй с добрым порядочным мужем, славными непоседливыми детьми и тихими домашними праздниками, но всё это окупалось массой новых впечатлений, знакомствами с интересными, забавными, а порой и опасными людьми, и, самое ценное, возможностью творческого самовыражения, ограничиваемого лишь критическим взглядом главного редактора «Светских хроник» Зориным Валентином Петровичем. Он хоть и был въедливым и дотошным дядечкой пятидесяти трёх лет, большую часть из которых посвятил работе в этом журнале, но всё же в его критике всегда имелось рациональное зерно. А главное, он никогда не ограничивал полёт моей неуёмной энергии. В какие бы дебри не заносил меня мятежный дух, Валентин Петрович никогда не подрезал мне крылья, стараясь лишь направить мою бурную жажду деятельности в нужное русло.

Вот и сейчас он поручил мне такое задание, от которого бы взвыли все мои коллеги, в том числе мужчины, а мне оно было только в радость. Мне предстояло отправиться в уральские горы по маршруту Виктора Ястребова, причём предварительно следовало собрать группу энтузиастов, которые бы согласились составить мне компанию с целью найти документы или иные доказательства, подтверждающие сенсационную разгадку таинственной гибели молодых альпинистов более полувека назад. Да, в ближайшее время было чем занять мозги и размять затёкшие от сидячей работы мышцы.

И первым делом я села за компьютер, включила Интернет и зашла на сайт всех любителей гор, где бросила клич о наборе энтузиастов для похода на Урал. Как человек творческий, я подошла к этой авантюрной затее со всем пламенным жаром журналистского азарта и разместила пост следующего содержания:

«Это было шестьдесят лет назад, но и сегодня нераскрытая тайна будоражит умы миллионов людей на всей планете, заставляя выдвигать самые невероятные, а порой абсурдные идеи, которые позволили бы объяснить произошедшее.

И тех из вас, кто желает лично раскрыть загадку гибели группы советских альпинистов под руководством Виктора Ястребова, кто молод душой, горяч сердцем и всегда готов к приключениям, прошу пожаловать в мою компанию.

В самое ближайшее время мы отправимся по следам советских альпинистов к перевалу Ястребова, чтобы воочию увидеть то, что видели они. И тогда, возможно, разгадка этой тайны откроется именно нам!

Хотите, чтобы ваше имя осталось в веках как имя Хайрема Бингема, отыскавшего в джунглях Перу затерянный город инков Мачу-Пикчу? Или вас прельщает слава Дэвида Ливингстона, давшего имя королевы Виктории одному из величайших водопадов планеты? Тогда при-

соединяйтесь ко мне, и вместе мы сможем установить истину, ускользавшую от человечества в течение шестидесяти лет!»

Теперь оставалось лишь ждать. Но я знала, что ожидание будет недолгим, и в самое ближайшее время я соберу команду сподвижников, которые с удовольствием помогут мне провести расследование и собрать материал для статьи.

А когда до окончания рабочего дня оставалось меньше десяти минут, зазвонил местный телефон. Я взяла трубку аппарата и услышала голос шефа:

– Слепцова, после шести зайди ко мне. Нужно обсудить твоё новое задание.

И вот когда народ дружной толпой засеменил в сторону проходной, чтобы покинуть стены родной редакции, я направилась в кабинет своего руководителя.

– Присядь, – сказал шеф, увидев меня.

Я тут же присела на стул и приготовилась записывать в блокнот указания Валентина Петровича.

– Это убери, – остановил меня Зорин.

Не задавая лишних вопросов и не выказывая удивления, я закрыла блокнот и приготовилась слушать.

– Информация строго конфиденциальная и непроверенная. Поэтому не стоит записывать то, в чём я не уверен.

– Конечно, – кивнула я в ответ.

– Надеюсь, сегодня у тебя уже была возможность оживить в памяти подробности трагической гибели группы Виктора Ястребова.

– Разумеется.

– В таком случае я не буду повторять то, что известно тебе, а также миллионам других людей, умеющим пользоваться Интернетом. Скажу лишь, что по информации, полученной мной, всё, что случилось с группой Виктора Ястребова, результат испытаний химического оружия. Эти ребята, сами того не подозревая, оказались в центре очага поражения и попали под действие газа, вызывающего галлюцинации. Версия очень правдоподобная, особенно если вспомнить события того времени: разгар холодной войны между Советским Союзом и США. Каждая из стран из всех сил стремилась нарастить свою боевую мощь, используя для этого все средства. И если принять информацию об испытании химического оружия за рабочую версию, то этим можно объяснить различный характер ранений молодых альпинистов. Ведь у каждого человека свой уровень физической подготовки и свои страхи, которые провоцируют появление ужасных видений. В результате действия химического оружия у ребят началась коллективная шизофрения, сопровождаемая звуковыми и визуальными галлюцинациями, и они, защищаясь, принялись нападать друг на друга, причиняя смертельные ранения себе и своим товарищам.

В общем, факт испытания химического оружия объяснил бы очень многое. Но, естественно, нужны доказательства. Без них наш с тобой разговор ничего не стоит. На эту тему и так уже было написано множество статей и снято фильмов. И выдвигать ещё одну непроверенную версию, значит, затеряться в море гипотез и предположений, которыми и так напичкана мировая пресса. А наша с тобой задача – вытащить из глубин прошлого правду и напечатать её в нашем журнале.

– Но как я смогу найти необходимые доказательства? – осмелилась я прервать шефа. – Наверное, маршрут Виктора Ястребова подробно изучен и журналистами и туристами. Вряд ли я смогу увидеть то, что не увидели сотни других людей, побывавших там до меня?

– Вот! – многозначительно произнёс Валентин Петрович и внимательно посмотрел на меня. – Мы и добрались до главного. Есть у меня координаты одного интересного места. А что именно в этом месте интересного, ты и должна выяснить.

Раньше это была закрытая зона. Вокруг стояли воинские части, и никого из посторонних туда не пускали. Но сейчас, после всеобщего сокращения численности сотрудников сило-

вых ведомств, ряд воинских частей расформировали, а людей распустили по домам. И теперь в этом месте нет никакой охраны. Но добравшись туда, ты вряд ли найдёшь там библиотеку с архивом засекреченных документов. Бумаги с грифом «секретно», естественно, давно уже вывезены отсюда и укрыты в надёжном месте, куда простому смертному не будет доступа ещё как минимум лет сто. Так что, я полагаю, что это – координаты секретной исследовательской базы или чего-то подобного. Помещение же никто вывозить не будет, особенно если оно давно заброшено. Но если знать, что искать, то найти всегда можно. Только, думаю, это будет не слишком легко. Вполне вероятно, что эти координаты приведут тебя в шахту, в подземный бункер или в землянку. Это может быть что угодно. Исследуй каждый дюйм, но найди подтверждение того, что гибель группы Виктора Ястребова была результатом испытаний химического оружия. Лабораторное оборудование, любая аппаратура, возможно, какие-то записи, – всё что найдёшь. Фотографируй и бегом обратно. Доложишь мне, и вместе мы взорвём эту бомбу, потому что это будет сенсация. Но до поры до времени никому об этих предположениях ни слова. Даже тем, кто пойдёт с тобой в горы. Координаты будешь держать в голове, и никаких записей. Для всех остальных – ты просто собираешь материал для статьи. По крайней мере, в случае неудачи никто не сможет предъявить к тебе или к журналу никаких претензий. Но я искренне надеюсь, что неудачи не будет. Я нутром чую, что эта информация правдива. И твоя задача убедиться в этом. Но должен предупредить тебя об одном нюансе, который тоже следует учитывать. А именно то, что координаты эти могут быть слегка неточными, так как человек, который диктовал мне их, делал это по памяти и мог случайно ошибиться. Так что надеюсь, ты не обидишься, если тебе придётся пройти несколько лишних километров.

– Без проблем, – кивнула я шефу. – Для бешеной собаки семь вёрст – не крик. И если там что-то есть, то я это непременно найду, – добавила я, поднимаясь с места.

– Знаю, именно поэтому и поручаю это дело тебе.

– Спасибо за доверие, – произнесла я и покинула кабинет шефа.

Домой я вернулась уже ближе к полуночи. Весь вечер в голове я прокручивала разговор с Валентином Петровичем и составляла план предстоящего похода. И все эти мысли приятно будоражили моё сознание, прогоняя сон. В какой-то момент я даже подумала, что, возможно, не стоит сегодня возвращаться домой, в пустую квартиру, где меня никто не ждёт. А будет лучше, если я вооружусь чашкой крепкого кофе и проведу всю ночь на своём рабочем месте, изучая тему химического оружия и возможных последствий его применения на человеческий организм. Но, к сожалению, я знала, что в таком случае завтрашний день пройдёт как в тумане, потому что мой мозг не сможет функционировать на полную катушку. Ему необходимо, как минимум, пять часов крепкого сна в сутки, а поспать за рабочим столом мне не удастся.

Так что пришлось умерить свой энтузиазм и отложить всю недоделанную работу на завтрашний день, после чего я выползла из офиса и поехала домой, чтобы плюхнуться на кровать и побыстрее забыться сном в ожидании наступления утра.

И когда я была уже в кровати, то решила на всякий случай проверить электронную почту, чтобы убедиться, что никаких срочных сообщений там нет. Однако мой недавний пост уже принёс свои плоды, и появились первые желающие принять участие в предстоящей экспедиции. И мне показалось символичным, что первым человеком, который откликнулся на мой призыв, был тоже Виктор. Парень по имени Виктор Дорохин изъявил желание стать одним из членов нашей команды.

«Здравствуйте, Аня! – начал своё письмо Виктор. – Пишет Вам альпинист с десятилетним опытом горных походов. Я ходил в экспедиции на Казбек, пик Ленина и поднимался на Эльбрус с северного склона. И как человек, который не мыслит своей жизни без гор, я не могу остаться в стороне от расследования трагической гибели нашего соотечественника Виктора Ястребова и его товарищей, погибших при странных обстоятельствах.

Два года назад мы с друзьями уже предприняли попытку провести расследование. Мы прошли весь маршрут Виктора Ястребова, дойдя до знаменитого перевала, но не нашли ничего, что могло бы раскрыть тайну их гибели. И если Вы принадлежите к числу энтузиастов, которые пускаются в авантюрные путешествия исключительно с надеждой на слепую удачу, бросьте это дело. Там Вы ничего не найдёте. Но если у Вас имеются определённые сведения, которые необходимо проверить на месте, и Вы знаете, за какое дело берётесь, что ж, в таком случае я полностью в Вашем распоряжении. Можете включать меня в свой список. Готов составить Вам компанию и снова пройти этот маршрут. Более того, я знаю людей, готовых присоединиться к нам в этом походе. Направляю Вам свои телефоны и электронный адрес для связи. С уважением, Виктор Дорохин».

Наверное, следовало дать ответ не откладывая, но по ночам у меня редко получается красиво складывать слова в предложения, и я решила отложить это дело до утра и, отодвинув в сторону ноутбук, легла спать, пообещав себе, что отвечу Виктору сразу же, как только выпью утренний кофе.

И мой следующий день прошёл как нельзя лучше.

Утром я написала Виктору, что буду рада его участию в нашей экспедиции, а заодно уточнила, не возникнут ли у него проблемы на работе в связи с предстоящей поездкой, которая, к слову, состоится уже через неделю. И Дорохин ответил мне, что с этим сложности не возникнут, так как он сам работает инструктором на туристических маршрутах, и, в случае необходимости, он может попросить кого-нибудь из своих коллег подменить его.

Это стало для меня очень хорошей новостью, так как участие в нашем походе опытного инструктора, да ещё и знакомого с предстоящим маршрутом, являлось огромной удачей.

В течение дня я получила ещё несколько электронных писем от желающих пойти со мной по маршруту группы Виктора Ястребова. Беда состояла лишь в том, что всем им требовалось время, чтобы оформить отпуска на работе для участия в этой экспедиции, и меня просили отложить её проведение на два-три месяца. И если бы это зависело от меня, то я бы непременно пошла навстречу этим людям. Но сроки, которые поставил передо мной шеф, были крайне ограниченными, и мне следовало вылететь в Екатеринбург не позднее, чем через неделю. И мне пришлось честно написать об этом всем, кто хотел идти со мной в поход. И практически все ответили отказом. Лишь одна девушка по имени Клара подтвердила своё согласие на участие в экспедиции. Она написала, что работает медсестрой и в следующем месяце собиралась пойти в отпуск, но уверена, что руководство пойдёт ей навстречу и передвинет её отпуск чуть раньше, если она объяснит причину своей просьбы.

И Клара тоже стала для меня подарком судьбы, так как человек с медицинским образованием необходим в любой экспедиции.

В общем, пока всё складывалось очень хорошо. Я чувствовала такой эмоциональный подъём, что просто завидовала сама себе. Предстоящее задание увлекло меня, и я просто не могла думать ни о чём другом.

До позднего вечера я делала наброски будущей статьи, которая бы заинтересовала читателя и понравилась редакционной коллегии. Я отыскала в Интернете все предыдущие статьи, посвящённые теме погибших альпинистов, затем узнала цены на авиабилеты до Екатеринбурга. И лишь в районе полуночи, когда я всё-таки приползла домой и принялась укладываться спать в холодную постель, то внезапно ощутила такое одиночество, что вмиг забыла обо всех своих предстоящих планах и принялась жалеть себя. Мне было некого обнять, не к кому прижаться своим телом, некому шепнуть на ушко «спокойной ночи».

Разумом я понимала, что нельзя заикливаться на негативных мыслях. Нужно продолжать жить. Но грусть, так некстати заползавшая мне в сердце, заставляла видеть мир только в чёрных красках.

Ну почему мне досталась такая судьба?

Прошлое, как кадры ускоренной киносъёмки, с неприятной настойчивостью вновь промелькнуло в моём сознании. Неудачное замужество в ранней юности и, как следствие этого, постоянная нищета. Безденежье и отсутствие собственного жилья из-за пьянства законного супруга привели меня к тому, с чего, собственно, всё и начиналось. Став вдовой в тридцать два года, я оказалась без жилья и без денег, потому что все мои накопления были потрачены на безрезультатное лечение мужа и на его похороны.

В итоге, сменив одну съёмную квартиру на другую, более дешёвую, я устроилась на работу в редакцию журнала «Светские хроники» в надежде не только поправить своё финансовое положение, но и устроить личную жизнь. И если с первым вопросом мне, действительно, в скором времени удалось справиться, то со вторым была просто беда.

Мужчины здесь, конечно же, были. И даже холостые. И даже с квартирами. Они ежедневно говорили мне комплименты, подмигивали и обнимали за талию. Но дальше этого дело не шло. И если вы думаете, что я вела себя слишком скромно, не позволяя своим коллегам думать о себе иначе, чем о благочестивой особе, то ошибаетесь. Я ходила на работу исключительно в коротких юбках, в обтягивающих кофточках и с яркой помадой на губах.

Услышав из мужских уст фразу: «Ты сегодня так сексуально выглядишь! Так и хочется сейчас сбежать с работы и махнуть с тобой куда-нибудь!», я тотчас отвечала:

– Приглашай. Я согласна.

В ответ всегда звучало примерно следующее:

– Давай я выберу какое-нибудь классное местечко, и мы с тобой туда сходим.

Услышав подобное, я улыбалась своей самой широкой улыбкой и томным голосом многообещающе произносила:

– Я буду ждать.

И на этом всё заканчивалось.

Меня всё время угощали шоколадками, а в канун Восьмого марта я получала цветов больше, чем директор любой школы, но ни серьёзных, ни несерьёзных отношений мне никто не предлагал.

В любом разговоре на личные темы я открыто заявляла, что нахожусь в активном поиске и готова на любые отношения, в том числе без обязательств, без условий, лишь для взаимного удовольствия. Но и это не приносило результатов.

Подруги советовали мне найти себе мужчину через Интернет, но я возражала.

– Представляете, если в анкете я напишу всё то, что сейчас говорю вам. Да ещё и фото в купальнике размещу. Да на моё объявление столько маньяков откликнется, что если я отправлюсь на свидание с одним из них, то больше меня вы точно не увидите.

И с этим все соглашались. И мне оставалось только ждать. Проводить часы в тренажёрном зале и ждать. Отказываться от предложенного куска торта и ждать. Делать электроэпиляцию в зоне бикини и ждать. Ждать, пока на моём пути не встретится тот, ради которого и были все эти жертвы. Тот, кто оценит и поймёт. И очень надеюсь, что он придёт ко мне раньше, чем климакс или заслуженная пенсия, потому что тогда, полагаю, он уже вряд ли будет мне нужен.

И совершенно некстати мне сейчас вспомнился мой первый парень по имени Сергей Соломатин.

Мне тогда было семнадцать, а ему – двадцать один год. Он уже отслужил в армии и искал девушку для серьёзных отношений. И словно стихийное бедствие я возникла на его горизонте, и у него не было шансов миновать меня на своём пути.

Сергей был исключительно положительным и порядочным молодым человеком с далеко идущими жизненными планами. Мы встречались с ним три месяца, после чего он предложил мне жить с ним вместе, но я отказалась. Тогда мне совсем не хотелось превращать свою молодую жизнь в рутинный семейный быт, и мы с Сергеем расстались. Но очень скоро я пожалела

об этом. Мне не хватало Сергея. Не хватало во всём. Не хватало его объятий, не хватало общения с ним, не хватало его белозубой улыбки.

Глупо, но почему-то на бессознательном уровне я всегда оценивала людей по зубам. К человеку с неухоженными либо кривыми зубами у меня нет доверия. В то же время наличие у человека ровного зубного ряда сразу же создаёт у меня презумпцию его благонадёжности. И самое удивительное, что это моё наблюдение всю жизнь подтверждалось опытом. Так вот, у Сергея Соломатина от природы были прекрасные белоснежные зубы. Прошло уже столько лет, а я отлично помню его улыбку.

И когда спустя короткое время после расставания с Сергеем я горько пожалела об этом и очень хотела его вернуть, то гордость и уверенность в будущих победах не позволили мне первой сделать шаг навстречу примирению. А он, наверное, и думать обо мне забыл. Вышел за порог и нашёл себе другую красотку. Однако и я долго не горевала. Вскоре я познакомилась со своим будущим супругом и вышла замуж. А чем всё это закончилось, вы уже знаете.

И чтобы не разреветься, я улеглась на живот, засунув правую руку под подушку, после чего стала мечтать о том, что, быть может, очень скоро моему одиночеству придёт конец, и я познакомлюсь с симпатичным холостым альпинистом, который станет мне не только другом, но и партнёром по жизни. И, может быть, это будет сам Виктор Дорохин. И моё журналистское расследование окажется перстом судьбы, чтобы я, наконец-то, смогла устроить свою личную жизнь.

И успокаивая себя этими мыслями, я провалилась в сон.

В ближайших два дня мне удалось окончательно сформировать группу для похода по маршруту Виктора Ястребова. К нам присоединились ещё два молодых человека, которых порекомендовал Виктор Дорохин: Макар Сомов и Илья Захаров. Макар был из Тюмени и занимался разведением собак породы хаски, а горы были вторым его увлечением. А Илья был из Перми и, так же как и Виктор, работал инструктором.

И хотя я рассчитывала набрать группу побольше, но, по большому счёту, и пяти человек было достаточно. На календаре расцвела золотая осень начала октября, и это являлось удачей во многих отношениях. И первым пунктом в этом списке было отсутствие на маршруте лишних туристов, не имеющих в душе ничего святого, когда речь шла о погоне за дешёвой сенсацией.

Себя к подобным субъектам я не причисляла, потому что всегда относилась к Виктору Ястребову и к его товарищам как к трагически погибшим героям, память которых нужно уважать и ни в коем случае не спекулировать именами этих людей, чтобы добиться популярности для себя лично (или даже для журнала, где я работала).

Мне реально хотелось докопаться до истинной причины того, что же случилось с этими ребятами в ту морозную февральскую ночь шестьдесят лет назад, потому что официальная версия следствия об обстоятельствах непреодолимой силы, вызванных стихийным бедствием, просто не выдерживала критики. Да и сам факт того, что все материалы расследования были засекречены, свидетельствовал о том, что в деле не обошлось без вмешательства военных. И мне очень жаль, что эти молодые ребята оказались не в том месте и не в то время. Хотя, быть может, именно там они и должны были оказаться в тот день? Возможно, один из членов группы оказался засланным казачком и нарочно уговорил остальных сойти с основной тропы, так как в определённом месте ему необходимо было встретиться с кем-то ещё? А потом нежелательных свидетелей этой встречи следовало использовать в качестве подопытных кроликов во время испытания новейшего оружия? Тот, кто знает ответ на этот вопрос, вряд ли его скажет. Но я могу хотя бы проверить одну из версий, подтвердив или опровергнув теорию о том, что юные альпинисты каким-то образом оказались в эпицентре испытаний химического оружия. Полагаю, это является для меня достаточным оправданием, дающим право организовать ещё одну экспедицию к перевалу Виктора Ястребова.

К тому же я не намеревалась точь-в-точь повторять их путь. Ведь в этом случае мне требовалось бы отправиться на Уральские горы зимой в лютый мороз. А уж этого делать мне совсем не хотелось.

С некоторых пор ночевка в палатке в тридцатиградусный мороз утратила для меня всю свою привлекательность. Это в студенческие годы подобные эксперименты казались мне ужасно романтичными. Но сейчас я на собственном опыте знала, что когда ты дрожишь от холода и надеешься, что вот-вот здоровый и сильный мужчина согреет тебя своим теплом, то это напрасные надежды, потому что он мёрзнет точно так же, как и ты, и меньше всего думает о нежных ласках с противоположным полом.

К тому же многочасовые переходы выматывают так, что никаких физических сил в принципе не остаётся. Пришёл, упал и уснул. А проснулся, позавтракал и снова отправился в путь без лишних разговоров. И лишь этот путь, эта дорога, лежащая перед тобой, и есть самая настоящая романтика. Единственная любовь до конца жизни, которая никогда тебе не изменит и не предаст. Только ты сам можешь изменить ей, найдя себе более привлекательную подругу, которая не станет требовать от тебя столько физических и моральных сил, как твоя первая любовь. Но беда в том, что если однажды ты ушёл в горы и не сбежал в первый же день поджав хвост в свою уютную и тёплую квартиру где-нибудь на десятом этаже безликого бетонного дома, а прошёл свой путь настолько далеко, насколько позволила тебе гора, ты навечно останешься в её власти. Ты будешь искать способ вернуться туда любыми способами. Ты станешь тосковать вдали от неё. Ты будешь мечтать только о ней. Ты будешь думать только о том, как бы снова воссоединиться с ней, потому что только на горном перевале ты сможешь чувствовать себя по-настоящему живым.

Люди идут в горы не потому, чтобы кого-то этим удивить или кому-то что-то доказать, а просто потому, что не могут поступить иначе.

И именно за этим я снова собиралась идти в поход. Затем, чтобы вновь наполнить своё сердце жизненной силой, а не затем, чтобы приобрести себе нового сексуального партнёра. Хотя, что уж греха таить, от этой перспективы я бы тоже не отказалась. Но рассчитывать на подобную удачу всё же не стоило.

И как бы то ни было, группа была собрана, сроки отъезда согласованы, и я достала из своих закромов походное снаряжение, которое уже порядком успело запылиться, всё почистила и отмыла, сложила рюкзак, надела треккинговые ботинки, куртку, после чего отправилась в аэропорт навстречу новому приключению.

С Кларой мы познакомились в аэропорту. Она тоже вылетала в Екатеринбург из Москвы, потому что жила в Подмосковье.

Клара оказалась высокой худощавой девушкой с длинными густыми волосами. Она была выше меня сантиметров на десять и ровно на десять лет моложе. И я сразу же подумала, что если кому-то и суждено в этом походе пользоваться мужским вниманием, то явно не мне. Слишком велика конкуренция. И разглядывая Клару, я постаралась прогнать из своего сердца все нехорошие чувства по отношению к ней, потому что в ближайшие несколько дней нам предстояло есть из одного котелка, а также вместе ходить в туалет, и никакие тайные обиды не должны были этому мешать. И вроде бы мне это удалось.

Прилетев в Екатеринбург, мы отправились на железнодорожный вокзал, откуда на поезде поехали до города Ивдель, где на следующий день нам предстояло встретиться с остальными участниками экспедиции.

Ночь перед походом мы с Кларой провели в местной гостинице, чтобы иметь возможность хотя бы ещё раз принять душ и поспать на настоящей кровати. И потому утром следующего дня мы были во всеоружии. Свежие и чистые, мы спустились в холл гостиницы, где была назначена встреча с нашими новыми товарищами: Виктором, Макаром и Ильёй.

Когда я увидела этих парней: молодых, красивых, подтянутых, в полной спортивной экипировке, моё сердце тоскливо сжалось. Если бы у меня сейчас был выбор, то я бы предпочла отменить предстоящий поход и провести всё это время в постели с этими тремя красавцами сразу. Может, стоит намекнуть им об этой возможности? Вдруг они не откажутся? Но продумать до конца эту перспективу я не успела, потому что, заметив нас с Klarой, один из парней сразу же направился к нам навстречу.

Он протянул вперёд свою правую руку и представился.

– Виктор.

И, пожав каждой из нас руку, добавил:

– Рад познакомиться.

– И мы рады, – с грустью добавила я и даже улыбнулась, изо всех сил стараясь заглушить в себе животные позывы.

Затем произошло наше знакомство с Макаром и Ильёй. И если Илья с самого начала общения повёл себя очень сдержанно и корректно, держа определённую дистанцию даже в разговоре, то Макар сразу же стал вести себя как искусный ловелас, для которого соблазнение женщин является частью натуры и второй профессией. Беда состояла лишь в том, что объектом своего внимания он выбрал не меня, а длинноногую Klarу.

– Макар, – представился нам привлекательный обольститель. – Можно просто – Мак.

– Очень приятно, – произнесла я в ответ, но тут же заметила, что Мак даже не смотрит в мою сторону.

Его взгляд смачно скользил по фигуре Klarы, мгновенно отмечая про себя все её достоинства.

– Как вам гостиница, девушки? Хороший был завтрак или, может, зайдём ещё куда-нибудь кофейку попить перед дорогой? – говорил Мак, обращаясь вроде бы к нам обеим, но только на словах, потому что не отводил взгляда от Klarы.

– Спасибо, мы хорошо позавтракали. И спали тоже хорошо, – ответила я за двоих, но мои слова упали в пустоту, потому что, казалось, их никто не услышал.

– Полагаю, нам не стоит зря терять время на разговоры и посиделки в кафе, – мигом взял на себя руководство Виктор. – Если все успели позавтракать, то следует сразу же начать наш путь. Всё, что нужно, обсудим по пути.

Сказав это, он надел на плечи огромный рюкзак, который всё это время стоял рядом с ним на полу, а затем двинулся к выходу из гостиницы. Без лишних слов все последовали его примеру. Однако Мак всё равно старался держаться поближе к Klarе, при каждом удобном случае оказывая ей всяческие услуги: то придержит перед ней дверь, то руку подаст, чтобы ей удобней было спускаться с лестницы, то предложит переложить часть её вещей в свой рюкзак. Но нужно отдать должное девушке, вела она себя очень дипломатично и вежливо отказывалась от всех предложений Мака, стараясь при этом не ранить его чувства.

Я же шла сама по себе. Вероятно, все присутствующие видели во мне лишь журналиста, выполняющего свою работу, а не девушку, не лишённую привлекательности. И это не играло бы никакой роли, если бы к Klarе все относились точно так же. Но отчего-то в их глазах она являлась хрупким созданием, которому требовалась дополнительная забота. Я же, по их мнению, в подобную категорию не входила, и потому должна была выполнять всю предстоящую работу наравне с мужчинами.

Вот с каким настроением я пустилась в этот путь, который мог стать для меня реальным шансом к журналистской славе!

Я шла, словно на автопилоте, и слушала слова Виктора о том, что сейчас нам предстоит поездка на машине, которую он предварительно арендовал, чтобы немного сократить наш поход, а заодно и сберечь силы для восхождения.

И в самом деле, как только мы вышли за территорию гостиницы, то увидели старенький раздолбанный грузовик.

В первую секунду я даже не обратила на него внимания, но потом Виктор подошёл к грузовику и обратился к его водителю, и я поняла, что именно на этом транспорте мы и поедем. И трусливые мысли поползли в мою голову.

Когда Виктор говорил об арендованной машине, то я предполагала, что это будет приличный внедорожник. В идеале – джип, но сошёл бы и пикап. Но увидеть грузовик, чей возраст превышает, пожалуй, не одно десятилетие, было чересчур.

Да, я – человек неприспособленный и непривередливый, и не ожидала увидеть лимузин, но уж лучше бы я потратила лишний день на дорогу пешком с тяжелым рюкзаком за плечами, чем предпочла бы сократить путь с помощью поездки на таком вот транспорте. Ехать несколько часов, сидя на скамейке в кузове грузовика, подпрыгивающего на каждом ухабе, означало заработать к концу дня ужасную головную боль, не говоря уже о затёкших мышцах спины и ног. Стара я для участия в таких аттракционах!

Но только я открыла рот, чтобы высказать свои соображения по этому поводу и предложить ребятам отказаться от поездки на грузовике, пройдя лишние десяток-другой километров пешком, как все дружно начали забираться в кузов грузовика, весело шутя по поводу преимуществ предстоящей поездки. И я просто не решилась обломать этих людей, с самого начала настроив их против себя. Смирно я полезла вслед за ними в кузов и постаралась утешить себя сеансом небольшой медитации, так как душевное самообладание в этой ситуации мне было очень необходимо.

Мы ехали почти семь часов. За это время мы проехали вброд несколько речушек. Практически всю дорогу я молчала, а мои товарищи, наоборот, весело общались между собой.

Мак увлечённо рассказывал о питомнике хаски, в котором он работал, и постоянно расспрашивал Клару о её личной жизни, параллельно уговаривая девушку, после завершения нашей экспедиции отправиться с ним в Тюмень, устроив себе небольшие каникулы.

Виктор обсуждал с Ильёй достоинства какого-то продвинутого турника со странным названием «Револьвер» с пятью разными вариантами хватов. И хотя я всегда считала себя девушкой достаточно спортивной, но поддержать этот разговор была не в состоянии.

Никто не говорил и даже не касался в своём разговоре темы нашей нынешней экспедиции. Складывалось впечатление, что, кроме меня, никому вообще неинтересно раскрыть тайну гибели группы Виктора Ястребова. Эти люди приехали сюда не за поисками сенсации, а просто потому, что для них это был ещё один повод пойти в горы. Они умели получать удовольствие не от достижения результата, а от самого процесса. И эта юношеская беззаботность, отсутствие заикливости на непременно положительном результате, откровенно удивляли меня и вызвали невольное восхищение.

Эх, где мои семнадцать лет?

И когда я начала уже проваливаться в тяжёлую дремоту, вызванную непрерывным укачиванием, грузовик остановился.

Поблизости шумел поток ещё одной горной реки, но мы не стали штурмовать её или подходить ближе. Мы высадились, поблагодарив водителя грузовика и заплатив ему за работу, после чего попрощались с ним и вскоре остались наедине с дикой уральской природой.

Мы оказались в густом хвойном лесу. Вокруг были огромные ели и пихты. И когда грузовик скрылся в глубине леса, унося подальше от наших глаз не только свой непривлекательный облик, но и ужасный запах выхлопных газов, дурманящий аромат хвои тотчас коснулся нашего обоняния.

Я уже и не помню, когда в последний раз чувствовала такой насыщенный еловый запах. Вроде бы пару лет назад в СПА-салоне во время ароматерапии. Да, только ради подобной процедуры следовало отправиться в это путешествие!

Мы немного подкрепили свои силы заранее припасёнными протеиновыми батончиками и утолили жажду водой, после чего продолжили путь вдоль реки.

Мы выстроились в ряд. И первым в нашем ряду шёл, естественно, Виктор, затем встала я, как инициатор похода и второй по важности человек в экспедиции. Затем шёл Илья, и замыкали шествие Клара с Маком.

Мы шли, не обременяя себя пустыми разговорами, и лишь Мак периодически что-то говорил Кларе. Но я не слышала, чтобы она ему отвечала.

Часа через два мы вышли на открытое пространство на берегу горной реки. И именно здесь должна была проходить наша первая ночёвка. Мы стали разбивать лагерь.

Сначала мы установили палатки. У каждого была своя, и, на мой взгляд, это было большим минусом. Например, раньше, когда палатки не были облегчёнными, как сейчас, их брали из расчёта одна одноместная палатка на четверых человек. И именно такая ночёвка в моих глазах являлась настоящей романтикой. Когда перед сном мы играли в карты, а потом, в полной темноте, рассказывали друг другу страшные истории, после чего засыпали в спальных мешках, тесно прижавшись друг к другу и оттого не чувствуя ни малейшего страха перед темнотой и неизвестностью окружающей нас дикой природы, это было самым счастливым и беззаботным периодом моей жизни! И как же сейчас мне этого не хватает!

И хотя теперь, спустя много лет, мне снова предстояла ночёвка в палатке в лесу, никакой романтикой здесь и не пахло. Как и в большом городе, я снова должна была ложиться спать в одиночестве. И единственным моим утешителем в этой ситуации должна была стать медитация.

Но всё это ждало меня лишь часа через два, а пока мы дружно устанавливали палатки, затем собирали хворост для костра, набирали воду в горной реке и варили в котелке суп из сублимированных продуктов. В общем, вели себя как самые обычные туристы, которых объединяла лишь дорога, по которой мы шли.

И вот, когда мы закончили ужин и сидели у костра, глядя, как дрожащие языки его пламени поднимались ввысь, уносясь тоненькими чёрными ниточками в небо, разговор впервые коснулся основной цели нашей экспедиции – расследования гибели группы Виктора Ястребова.

– Может, всё же поделишься с нами своей информацией? – неожиданно заговорил Мак, обращаясь ко мне. – Потому что нам не мешало бы иметь хотя бы приблизительное представление о том, что мы ищем. А то вдруг всё твоё расследование – лишь прикрытие? А на самом деле ты заведёшь нас в логово медведей и бросишь им на съедение, а сама достанешь из рюкзака видеокамеру и начнёшь снимать, как мишки радостно поедают наши косточки?

– Странное у тебя чувство юмора, – стараясь не обидеться, произнесла я.

– Ну, от вас, журналистов, всего можно ожидать, – простодушно развёл руки в стороны Мак. – Общаясь с вашим братом, а в нашем случае будет сестрой, нужно держать ухо востро и всячески контролировать себя. А то будет как в суде: каждое Ваше слово может быть использовано против Вас. И я ни капельки не удивлюсь, если узнаю, что весь наш поход был лишь инсценировкой. Своего рода реалити-шоу, целью которого было не расследование, а наблюдение за подопытными кроликами, в роли которых выступаем все мы.

– В таком случае, что тебя здесь держит? – ледяным тоном проговорила я в ответ. – Уж точно не я. Да и камеры с собой у меня нет. Только смартфон, с помощью которого можно снимать лишь любительское видео. А такое дорого не продашь. Хочешь убедиться – пожалуйста! Мой рюкзак, все мои вещи и палатка – в полном твоём распоряжении. И если ты найдёшь хоть что-то компрометирующее, тогда и выдвигай обвинения. В противном случае прошу тебя попридержаться свой язык и не оскорблять меня необоснованными предположениями.

– Так, мальчики и девочки! Все мы сегодня устали и потому не будем вымещать своё плохое настроение друг на друге, – вмешался в спор Виктор. – Но в одном Мак прав. Я тоже счи-

таю, что Ане следует рассказать нам о тех фактах и гипотезах, которые имеются в её распоряжении, и которые мы должны проверить. И если раньше я не интересовался у неё об этом прямо, то лишь исключительно из соображений тактичности. И если бы наша экспедиция по каким-либо причинам сорвалась, у журнала «Светские хроники» не было бы повода предъявлять нам судебный иск, обвинив в утечке секретной информации. Но сейчас, когда мы уже на полпути к перевалу Ястребова, думаю, настало время Ане раскрыть свои карты и дать нам понять, что следует искать. А то ведь, находясь в полном неведении, мы можем случайно пройти мимо важных улик и даже не будем знать, что именно мы пропустили.

После речи Виктора остальные ребята с ожиданием посмотрели на меня. Они ничего не говорили, но их молчание было красноречивее любых слов.

– Вы правы, – вздохнув, ответила я. – И прошу прощения за то, что с самого начала не ввела вас в курс дела. У нас появилась информация, что причиной гибели советских альпинистов были испытания химического оружия.

– Ну, это не новость! – разочарованно покачал головой Мак.

– Может быть, – невозмутимо произнесла я. – Но меня отправили сюда, чтобы проверить именно эту версию.

– И каким образом мы будем её проверять? – поинтересовался Виктор, и в его голосе тоже сквозило явное разочарование.

– Сейчас нам необходимо дойти до перевала Ястребова и осмотреть его с точки зрения именно этой версии. Воссоздать картину трагедии и проверить, насколько она реальна.

– И всё? – с ещё большим разочарованием выдохнули все.

– Это всё, что я могу сейчас вам сказать, – твёрдым голосом проговорила я.

– Пойдёмте спать, – с сожалением в голосе произнёс Виктор, чтобы прервать неприятный для всех разговор. – Завтра у нас сложный день, поэтому все должны отдохнуть.

И, следуя указаниям главного, каждый поднялся со своего места. Мы затушили костёр и, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по палаткам. Я тоже укрылась в своей палатке и быстренько залезла в спальный мешок. И пока я дрожала, пытаясь согреться, мысли, одна другой неприятнее, проносились в моей голове.

И хотя я очень любила свою работу и гордилась тем, что я – журналистка, иногда мне приходилось поступать очень гадко. Особенно это задевало меня тогда, когда приходилось лукавить и скрывать правду от людей, которые мне нравились, и на хорошее расположение которых я очень рассчитывала. Но, к сожалению, это желание было односторонним, потому что эти люди не могли рассчитывать на меня в полной мере. И как бы я не хотела быть с ними откровенной, мои обязанности перед работодателем оказывались важнее всех моих душевных порывов.

И с тяжёлым сердцем я провалилась в сон.

На следующее утро все вели себя как ни в чём не бывало. Вежливо общались друг с другом, интересовались самочувствием и не вспоминали о вчерашнем разговоре. И меня это устраивало. Хотя теперь стала очевидной причина прохладного отношения ко мне участников нашей экспедиции, потому что они видели во мне не привлекательную девушку и своего товарища по альпинизму, а человека, чьи намерения идут вразрез с их собственными. Возможно, собираясь в этот поход, они ожидали увидеть в моём лице кого-то более открытого и близкого им по духу. Но я обманула их ожидания, и оттого невидимое напряжение между нами только росло.

Что ж, в любом случае этот поход займёт только несколько дней, а затем мы все разлетимся в разные стороны и со спокойной душой сможем никогда больше не общаться, и потому мне следует относиться ко всей этой ситуации как к работе, которую необходимо выполнить. И не всегда в работу нужно вкладывать слишком много душевных сил. Достаточно просто делать

своё дело ради результата, который принесёт деньги. А об ином думать просто не стоит. И настроив себя на этот лад, я перестала напрягать свой мозг ненужными мыслями.

Вслед за остальными я сложила свою палатку, собрала вещи и вновь пустилась в путь.

В этот день мы вышли из хвойного леса и шли по более открытой местности. Вместо десятиметровых елей нас встречали карликовые берёзы, а наши ноги всё время утопали во влажном мху. Набор высоты был небольшой, но и это требовало дополнительных усилий. Без лишних вопросов и разговоров мы прошли ещё пару десятков километров, сделав за это время лишь один небольшой привал. А на ночлег мы расположились на одном из отрогов горы Холат-чахль, у небольшого горного ручья, откуда открывался отличный вид на таёжную долину, расстилающуюся внизу.

Мы мирно поужинали, после чего отправились спать. И в этот раз, несмотря на физическую усталость, мне тоже не сразу удалось уснуть, потому что в голове я снова и снова прокручивала возможные сценарии завтрашнего дня, когда мне придётся открыть ребятам правду о тайной военной лаборатории, которую необходимо найти.

Может быть, всё же стоило им сразу всё рассказать? Зачем нужно тянуть до последнего?

Эти вопросы не давали мне покоя, но я знала, что поступила правильно, так как первая моя задача как журналиста состояла в том, чтобы не допустить утечку информации. Какими бы хорошими не были Виктор, Мак, Илья и Клара, я не знала, что у них на душе. Вдруг кто-то из них, или даже все они, намеренно отправились в этот поход, чтобы разузнать о тех сведениях, которые появились в редакции «Светских хроник», чтобы затем самостоятельно всё разведать и продать материал в другое издательство? Такую вероятность нельзя было исключать. И если я позволю этому случиться, то не сносить мне головы.

Но в то же время нельзя исключать и того, что все эти домыслы являются следствием профессиональной деформации, принуждавшей меня видеть тайного врага в каждом встречном. И это объяснение гораздо более вероятно, чем первое.

Осознавать это было горько, поэтому я постаралась сменить направление своих мыслей на более позитивное, после чего крепко уснула.

На следующее утро за завтраком Виктор озвучил наш предстоящий маршрут, после чего вопросительно посмотрел на меня, ожидая подтверждения с моей стороны. В ответ я кивнула и добавила, что необходимо будет ещё осмотреть окрестности вокруг конечной точки нашего пути, и подробности мы уточним на месте. Все приняли мою информацию к сведению, и наш поход продолжился.

Разговоры, которые всегда сопровождали начало нашего ежедневного пути, прекратились, и каждый сосредоточился на себе.

Вот за это я и люблю такие походы! Здесь всё просто. Не нужно постоянно принимать решения, делая взвешенный и обоснованный выбор, от которого зависит многое и многие. Не нужно нести ответственность за опечатку или неверно поставленную запятую. Не нужно подпрыгивать при каждом телефонном звонке по одной очень простой причине. Здесь нет мобильной связи. Но есть главное. Есть цель, к которой нужно идти, и есть путь, по которому нужно идти. И оттого в таких походах я всегда чувствую себя счастливой.

Этот день был ещё труднее, чем предыдущий, потому что подъём высоты увеличился. Мы шли по одной из древних священных гор народности манси, и я физически ощущала тяжёлую энергетику здешних мест.

Мы дошли до небольшого горного озера, где устроили недолгий привал, пополнив заодно запасы воды, а затем с удвоенной энергией отправились к ключевой точке нашего маршрута – месту гибели советских альпинистов

Вдалеке показался высокий каменный выступ.

– Почти пришли, – на ходу произнёс Виктор. – У тех камней и находится то место, где была обнаружена палатка Виктора Ястребова и его друзей.

Услышав эти слова, я подумала, что дальше оттягивать разговор об истинной причине нашей экспедиции не стоит.

– Ребята, давайте устроим небольшой привал, – сказала я, замедляя шаг.

– Зачем? – удивился Виктор. – Мы почти пришли!

– Нет, мы ещё не пришли, – извиняющимся тоном произнесла я в ответ, останавливаясь и снимая рюкзак со спины.

После этих слов все тоже остановились и недоумённо посмотрели на меня. Я же достала из кармана рюкзака бутылку воды, сделала из неё несколько глотков и лишь затем продолжила говорить.

– Нам придётся пройти ещё несколько километров до конечной точки нашего маршрута, потому что цель нашей экспедиции не очередной осмотр перевала Ястребова, а проверка информации о месте, где проводились испытания нового вида оружия.

– И что это за информация? – сузив глаза, посмотрел на меня Виктор, и в его взгляде сквозило не только недоверие, но и обида, что мне на секунду стало стыдно.

Но затем я напомнила себе о своём журналистском долге, и уверенность в правильности своих действий снова вернулась ко мне.

– Нам нужно пройти девять километров на северо-восток, и тогда вы сами всё увидите, – сказала я.

– А потом ещё девятнадцать километров на юго-запад, и затем мы все сгинем в таёжных болотах, как когда-то поляки, которые пытались захватить Москву. А роль Ивана Сусанина будет исполнять Анна Слепцова – репортёр «Светских хроник», которая ради журналистской славы с готовностью жертвует своей жизнью! – саркастично произнёс Мак, сняв рюкзак со спины и присаживаясь на него как на стул.

– Вы вправе на меня обижаться, но в качестве оправдания скажу лишь одно. Я никого из вас силком сюда не тащила. Вы знали, что я – журналист и вряд ли бы отправилась в этот поход просто для того, чтобы размять затёкшие ноги. Каждый из вас знал или хотя бы догадывался о том, что настоящей причиной этой экспедиции является сбор материалов для статьи. И уж конечно журнал «Светские хроники» не стал бы тратить деньги на то, чтобы опубликовать на своих страницах то, что и так давно известно всему миру. Логично предположить, что у нас появились новые сведения по этому делу, и мы желаем их проверить. Разве не так? Разве хоть кто-нибудь из вас думал иначе?

Ответом мне было дружно молчание. Никто не стал высказывать возражения или спорить.

– Да, мы это знали, – через несколько мгновений сказал Виктор. – Но почему ты не сказала нам об этом до того, как мы закончили уточнять этот маршрут? Боялась, что кто-нибудь из нас мог отказаться пройти лишние девять километров? Да если нужно, каждый из нас готов сделать крюк в девяносто километров, если потребуется. Дело не в этом, а в недоверии, которое ты выказала нам своим молчанием. С товарищами, идущими с тобой в одной связке, так не поступают. Или ты не считаешь нас товарищами?

– Я считаю вас не только своими товарищами, но и единомышленниками, которым могу доверять безоговорочно, – тут же ответила я. – Но только в том, что касается этого похода. Да и других походов и экспедиций тоже. Но делиться конфиденциальными сведениями я не имею права даже с собственной матерью! И надеюсь, вы все это прекрасно понимаете.

– Тогда, может, вообще не стоило приглашать в эту экспедицию никаких посторонних людей? Проводили бы свои журналистские расследования узким кругом членов своей редакции, у которых оформлен доступ к сведениям особой важности, и тогда никому из вас не пришлось бы трястись от страха из-за того, что кто-то ненароком может слить обнаруженную

информацию, а? Зачем надо было приглашать посторонних людей, заманивая их в горы красивыми словами, а затем вести себя как последняя сволочь? А нужны были портеры, так и приглашала бы их! Заплатила бы им, и они брели бы за тобой всю дорогу как тени, неся твоё снаряжение, и ни словом не упрекнули бы тебя, куда бы ты их не завела! – не переставал возмущаться Мак.

– Мы, конечно, можем продолжать спорить и даже можем разойтись в разные стороны, – строгим голосом проговорила я, желая на корню пресечь бунт на своём корабле. – Я никого здесь не держу! Но если есть желающие идти со мной дальше, чтобы лично проверить одну из версий гибели группы Виктора Ястребова, которая имеется в распоряжении «Светских хроник», то сообщаю следующее. Ровно через пять минут я буду продолжать путь на северо-восток. Ориентировочная точка моей следующей остановки будет через девять километров.

– А затем? – нахмурившись, спросил Виктор. – В каком направлении дальше будет твой маршрут?

– На этом всё, – ответила я. – Если в том месте мы ничего не обнаружим, то отправимся в обратный путь.

– Точно? – с подозрением спросил Мак. – А как же Джокер в рукаве?

Услышав это, я усмехнулась.

– К сожалению, в моём рукаве нет никакого Джокера. И даже рояль в кустах я не успела спрятать.

И эта незатейливая шутка заставила всю команду улыбнуться.

– Извини, Аня, но про рояль в кустах позволь тебе не верить! – проговорил Виктор, распрямляя плечи и поворачиваясь в сторону северо-востока.

– Рада бы тебя удивить, да нечем! – простодушно развела я руки в стороны, после чего убрала бутылку воды обратно в рюкзак и приготовилась пуститься в путь. – В общем, приглашаю всех желающих продолжить наше путешествие, и, возможно, нам удастся отыскать то, что никто до нас не додумался искать.

– После такой заманухи разве можно отказаться? – поднялся с места Мак, и все остальные ребята тоже потянулись за ним.

И хотя было заметно, что настрой у них упал, да и отношение ко мне тоже оставляло желать лучшего, я старалась не принимать ситуацию близко к сердцу. В конце концов, я не под дулом автомата заставляла их идти за собой. Зато если бы кто-нибудь из них по недомыслию или по иной причине захотел выложить предположения, по секрету сообщённые мне Валентином Петровичем, в Интернете, то безо всяких сомнений я могла бы считать себя уволенной из «Светских хроник». А для большей радости мне ещё предъявили бы иск о разглашении конфиденциальных сведений и заставили возместить редакции материальный ущерб в размере нескольких миллионов рублей, которых у меня нет и, уже точно, никогда не будет. И эта перспектива была пострашнее созерцания насупившихся лиц моих товарищей, которые шли за мной так, словно я вела их на гильотину.

Впрочем, упадническое настроение продолжалось у ребят недолго. Пару километров, не больше. Затем мы снова бодро выстроились в прежнем порядке, И Виктор, следуя указаниям компаса, уверенно указывал нам путь, а Мак вернулся к своим шуткам-прибауткам и снова начал подкатывать к Кларе, приглашая её приехать в Тюмень и познакомиться с его питомцами. Илья же твёрдым шагом шёл вперёд, и лицо его было непроницаемым. Я не знала, что он думал, но меня устраивало уже то, что он не стал спорить и не повернул назад. А остальное в данный момент для меня было неважным.

Путь был тяжёлым. Из-за того, что никто, кроме меня, не рассчитывал на дополнительные девять километров пути, в первой половине дня никто и не думал экономить силы, отчего сейчас все ощущали усталость. Нужен был привал, да только никто не решался предложить

его устроить. Все шли так, словно желали доказать мне, что готовы безропотно идти хоть до скончания времён, не думая о пище и отдыхе, и тем самым пробудить во мне чувство вины за все те мытарства, которые они сейчас переносили. Но я не чувствовала себя виноватой. Я выполняла свою работу и ради этого сама много чем пожертвовала. И те жертвы, на которые сейчас шли эти ребята, были нисколько не больше моих собственных.

Когда кто-то хотел пить, то делал это не останавливаясь, словно не желая задерживать остальных. И я чувствовала благодарность к этим людям за их безмолвную солидарность, с которой они помогли мне добраться до цели моего журналистского расследования.

Так прошло около двух часов.

– Собственно, мы пришли, – произнёс Виктор, сверяясь с данными на своих спортивных часах, имевших, ко всему прочему, ещё и функцию компаса. – Ровно девять километров, – добавил он, обращаясь непосредственно ко мне.

– Значит, мы можем отдохнуть, пока наша доблестная журналистка станет в поте лица добывать сенсацию для своего журнала, – с сарказмом произнёс Мак, снимая свой рюкзак.

После этого он помог снять рюкзак Кларе и тут же предложил ей шоколадный батончик, который достал из кармана своей куртки.

Остальные ребята тоже сняли рюкзаки и достали бутылки с водой. И лишь я не спешила разоблачаться.

– Надолго мы здесь? – спросил меня тем временем Виктор. – Стоит разбивать лагерь или будем ночевать в другом месте?

– Пока не знаю, – произнесла я, пристально оглядывая окрестности. – Но привал в любом случае стоит устроить.

– Об этом можно было и не говорить, – едко ответил Виктор, который, вероятно, тоже затаил на меня обиду, но старался не показывать виду, чтобы не подрывать моральный дух нашей группы, так как именно его слово во всех случаях было последним, а не моё.

– Вы пока отдохните, я тут ещё немного поброжу и исследую местность, – сказала я и медленно двинулась дальше на северо-восток.

– Нет! – твёрдым голосом возразил Виктор. – В одиночку никто никуда не пойдёт! Сейчас мы все займёмся обедом, потому что всем нужен отдых. А потом я сам пойду с тобой дальше. И это не обсуждается.

– Хорошо, – послушно ответила я, потому что предложение Виктора и в самом деле было разумным.

Мы сложили в кучу наши рюкзаки, а затем занялись разжиганием костра. Сварив суп, мы пообедали. И обычно после трапезы у нас следовала непринуждённая беседа о том, о сём, но сегодня всё было иначе. Тревожное молчание, сопровождавшее весь обед, продолжалось. Каждый увлечённо рассматривал дно своей миски, не решаясь прервать это занятие, словно из всех сил оттягивая предстоящий неприятный разговор.

Я тоже чувствовала себя не в своей тарелке, если так можно было выразиться, потому что устала до чёртиков. У меня вообще не было желание сегодня ещё куда-то идти. А ещё меньше было желания устраивать какие-либо споры и доказывать свою точку зрения. Но я знала, что если предложу всем прямо сейчас расположиться на ночлег, чтобы отложить все дальнейшие поиски до завтрашнего дня, то окончательно настрою народ против себя. Поэтому я просто заставила себя подняться на ноги и сказала:

– Надеюсь, никто не против, если я ненадолго всех покину и пойду немного огляжусь?

– Да, откладывать не стоит, потому что скоро стемнеет, – поднялся со своего места Виктор. – Если через час мы не вернёмся, – обратился он затем к ребятам, – устанавливайте палатки и ложитесь спать.

– А если с вами что-то случится? – с тревогой поинтересовался Илья. – Я считаю нам не нужно разделяться. Сейчас мы всё уберём и пойдём все вместе.

– Нет! – остановил его Виктор. – Это ознакомительная вылазка. Мы только осмотримся, чтобы узнать, если ли поблизости то, что может представлять интерес, но исследовать ничего не будем. Если мы что-то увидим, то вернёмся и сообщим вам, чтобы пойти туда всем вместе. А если ближайший час ничего не найдём, то всё равно вернёмся сюда, потому что продолжать поиски ночью глупо и опасно.

– Глупо и опасно вообще идти туда, не знаю куда, особенно когда кто-то уже заплатился за такую неосмотрительность своей жизнью, – ехидно произнёс Мак, и я еле сдержалась, чтобы не врезать ему.

Вечно он во всё лез! Остальные ребята, даже если и были чем-то недовольны, не показывали этого. И такой расклад меня вполне устраивал, поскольку рассчитывать на безоговорочный энтузиазм с их стороны мне не приходилось. Но Мак – совершенно другое дело. У него – что на уме, то и на языке. И беда состояла в том, что все слушали его больше, чем меня. И мне приходилось постоянно быть начеку, ожидая, что в любой, даже самый неподходящий момент, послушав разговоры Мака, все передумают и уйдут, оставив здесь меня одну исполнять свой журналистский долг. И эта перспектива страшила меня больше всего. Даже больше увольнения с работы и последующего судебного иска. И лишь мысль о том, что ни один настоящий альпинист не бросит своего товарища в беде, придавала мне сил. А в том, что Виктор, Илья, Клара и даже Мак были настоящими альпинистами, для которых товарищество и взаимовыручка не были пустым звуком, я нисколько не сомневалась. Наверное, поэтому я и позволяла себе наглость скрывать от них истинную цель нашей экспедиции и манипулировать их товарищескими чувствами.

Боже, во что я превратилась?

– Полагаю, план дельнейших действий всем понятен, – между тем произнёс Виктор, чтобы пресечь новые споры. – За старшего остаётся Илья, – добавил он, строго поглядев на всех.

Затем мы с Виктором взяли дополнительные фонарики и бутылки с водой, после чего двинулись дальше на северо-восток, оставив Мака, Илью и Клару сидеть у костра в полном молчании. Но и мы с Виктором тоже не утруждали себя разговорами. Мы шли с твёрдой решимостью, словно заколачивали сваи, и каждый наш шаг, каждое движение осуществлялось чисто механически, эксплуатируя мышечную память, а не мозг. Ни один из нас не был уверен в том, что наши поиски будут результативными, тем более что уже начинало темнеть, и оттого тем более удивительней для меня прозвучала фраза Виктора: «Кажется, впереди что-то есть», когда он произнёс её через двадцать минут после начала нашей молчаливой прогулки.

Я подняла голову и всмотрелась вдаль. Парень показывал рукой вперёд, и тут уже я смогла разглядеть очертания каких-то тёмных сооружений, расположенных в нескольких сотнях метрах от нас.

– Не думал, что здесь живут люди, – с сомнением в голосе произнёс Виктор, не замедляя шаг. – Да это и непохоже на поселение манси.

– Это должна быть воинская часть, – ответила я, не глядя в лицо своему спутнику.

– И что нам это даст? – удивился Виктор. – Нас туда и близко не пустят!

– Воинская часть давно закрыта, и там сейчас никого не должно быть. Но именно там и должны остаться доказательства разработки химического оружия и проводимых полвека назад испытаний.

– Ох, и наивная ты! – не сдержался Виктор, посмеиваясь, а затем повернул голову в мою сторону. – Кто ж оставляет такой компромат? Уверен, всё уже давно вывезено и похоронено! Зря только время потратим, если пойдём туда.

И он остановился.

– Пойдём назад! Всё расскажем ребятам, – приказал Виктор.

– Мы непременно это сделаем, – кивнула я в ответ. – Но для начала давай хотя бы дойдём до воинской части и посмотрим, что она из себя представляет.

– Это для статьи? – со вздохом уточнил Виктор.

– Да, для статьи, – подтвердила я.

– Понятно. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Напечатаешь в своём журнале снимки воинской части и выскажешь очередные, ничем не подтверждённые предположения о гибели группы Виктора Ястребова. А люди станут читать твой журнал и снова будут думать и гадать, что же случилось шестьдесят лет назад с несчастными альпинистами. Но ответа на свои вопросы так и не получают.

Я не стала его переубеждать.

– Так мы идём?

– Идём, – с грустью согласился он, и мы направились в сторону воинской части.

Мы подошли к полуразвалившемуся забору, через который легко было перелезть, но в этом отсутствовала необходимость, так как рядом находились незапертые ворота, через которые мы и вошли на территорию бывшей воинской части. Нашим глазам предстало несколько двух- и трёхэтажных кирпичных здания, окна в которых были либо разбиты, либо треснули. От этого места веяло мраком и ужасом. И мне совершенно не хотелось исследовать его, особенно сейчас, когда сумерки уже сгустились.

По-видимому, Виктор думал так же.

– Полагаю, осматривать всё здесь мы будем завтра, – произнёс он, водя фонариком по безлюдному призраку воинской части.

– Согласна, – ответила я, стараясь унять дрожь.

Весь мой энтузиазм как рукой сняло. От зловещей тишины, царившей вокруг, меня охватила паника. Я и предположить не могла, насколько страшно находиться ночью в месте, где нет ничего живого. Ночевать посреди дремучего леса в палатке и то не так страшно, как бродить здесь.

Надо полагать, у Виктора психика была покрепче моей, потому что, посмотрев на него, я не обнаружила никаких признаков волнения. Он выглядел по-прежнему спокойным и бодрым, и единственной причиной, по которой он решил отложить осмотр этого страшного места на завтрашний день, являлись соображения рациональности. При дневном свете разглядывать незнакомые вещи гораздо лучше, чем в полумраке.

И мы вернулись к нашей команде.

Ещё когда мы подходили к нашему лагерю, я заметила, что там стоят четыре палатки, а не три. Стало быть, палатку Виктора ребята установили по собственной инициативе, чтобы дать ему возможность отдохнуть сразу же после возвращения. Обо мне, конечно же, никто не подумал. Но у меня даже не осталось сил, чтобы упрекнуть ребят в этом. Молча я подошла к своему рюкзаку и достала из него палатку. И пока Виктор рассказывал ребятам о результатах нашей вылазки, я готовила себе спальное место. И когда я установила палатку и разложила спальный мешок, то тотчас залезла в него и уснула, едва закрыв глаза.

Не могу сказать, сколько мне удалось проспать, но проснулась я от странных звуков, раздававшихся рядом с моей палаткой.

Я открыла глаза, и дикий ужас охватил моё сердце. Я даже не могла дрожать, потому что настолько оцепенела, что перестала дышать.

Я увидела огненные шары, перемещавшиеся в хаотичном беспорядке за стенами моей палатки, прямо как в те дни, когда трагически погибла группа Виктора Ястребова. А ещё мой слух уловил странный гул, сопровождавший движение огней.

Я даже не могла крикнуть, чтобы позвать на помощь. Я не могла думать, чтобы попытаться мысленно найти рациональное объяснение происходящему. Я готовилась к худшему.

Но секунды шли, превращаясь в минуты, но кроме того, что уже было мною замечено, ничего не происходило. Огни и гул. И тогда моё дыхание снова пришло в норму, а мозг продолжил функционировать.

Неужели версия об НЛО была верной? Вот будет обидно убедиться в этом и так и не получить возможность поведать о такой сногшибательной новости миру! И я рассудила так. Что бы сейчас не происходило за стенами моей палатки, лучшим решением будет выяснить это, чем лежать без движения и находиться в неведении, позволяя воображению строить самые немыслимые предположения.

И я собрала всё своё мужество в кулак, взяла в руки смартфон и включила на нём режим видеосъёмки, после чего тихонько вылезла из спального мешка и стала пробираться к выходу из палатки. Но покидать своё укрытие я не стала, а лишь прислонила к щели выхода объектив смартфона, чтобы заснять то, что творилось сейчас за стенами палатки. И когда я увидела то, что сняла, то чуть не подпрыгнула от злости.

Мак и Илья стояли рядом с моей палаткой и размахивали включёнными фонариками, издавая при этом странные звуки, напоминавшие гудение турбины.

Вот хулиганы! Напугали меня до чёртиков!

Так и хотелось выйти и наподавать им, чтобы впредь думали, прежде чем страшить меня посреди ночи.

Но потом я решила, что лучшим ответом на их детскую выходку будет вообще никак не реагировать на это безобразие. Пусть думают, что впустую устроили весь этот спектакль, потому что их самый главный зритель благополучно проспал всё представление.

И мне так понравилась эта идея, что я снова забралась в свой спальник, закрыла глаза и моментально уснула.

Утром я вышла из палатки и сразу же наткнулась на пристальный взгляд Мака, который всегда поднимался на ноги ни свет ни заря. Видимо, сказывалась привычка рано вставать, чтобы выгуливать своих питомцев.

– Как спалось? – тут же поинтересовался Мак, надеясь вынудить из меня признание о тех волнениях, которые мне довелось пережить этой ночью.

– Великолепно! – не моргнув глазом, ответила я. – Отлично выспалась.

– Да? – подозрительно произнёс Мак. – А ты не врешь? Потому что когда я ночью ходил в туалет, то заметил, как тряслись стены твоей палатки. Я ещё подумал, что наша храбрая журналистка, наверное, по ночам дрожит от страха из-за того, что призраки убитых альпинистов не дают ей покоя.

– Нет, – невозмутимо покачала я головой. – Никакие призраки сегодня ночью меня не беспокоили.

– Странно, – с досадой проговорил Мак, а я лишь ухмыльнулась про себя.

Мой план прекрасно сработал, и в этом раунде счёт был в мою пользу. Но долго наслаждаться победой мне не пришлось, так как в этот момент из своей палатки вышел Виктор и сразу же начал давать распоряжения по поводу планов на сегодняшний день.

Вероятно, вчера, когда я завалилась спать, у ребят состоялась серьёзная беседа, в ходе которой Виктор рассказал о воинской части, которую мы вчера обнаружили, и объяснил, что нам необходимо исследовать, потому что все вели себя так послушно, не выказывая ни тени обиды или недовольства, что я невольно поразилась и порадовалась. По крайней мере, этот факт мог избавить меня от выслушивания дополнительных упреков в свой адрес, что уже было неплохо.

Мы позавтракали, сложили вещи в рюкзаки и снова пустились в путь, по которому вчера шли вдвоём с Виктором. Мы подошли к воинской части, прошли через ворота и направились к ближайшему от нас зданию.

– Чтобы сэкономить время, можем разделиться. К примеру, мы с Кларой можем пойти дальше, а вы втроём осмотритесь тут, – сразу же предложил Мак, подмигивая своей спутнице.

Выслушав это предложение, Виктор не торопился с ответом.

– Не уверен, что стоит разделяться. Будет быстрее, если мы станем вместе осматривать каждое сооружение по очереди, чтобы не заблудиться. А уже внутри здания можно будет разойтись в разные стороны. И тот, кто заметит что-то интересное и достойное внимания, позовёт остальных.

Виктор был как всегда прав, и даже Мак не стал с ним спорить. Поэтому мы дружно вошли через главный вход здания и только внутри позволили себе выбрать наиболее подходящий маршрут для исследования.

Я думала, будет страшно ходить по пустым коридорам, заглядывая по пути во все внутренние помещения, где уже несколько десятилетий не ступала нога живого человека, но на самом деле всё оказалось не так грустно. При дневном свете всё выглядело будничным и нестрашным. Просто грязные кабинеты. Где-то имелась мебель, где-то – нет. Где-то валялись сломанные стулья, а где-то в целости и сохранности стоял целый книжный шкаф, заполненный сверху донизу сочинениями Ленина и Маркса.

На одной из стен я даже заметила выпел с изображением Ильича и подумала о том, что его можно было бы неплохо продать коллекционерам. Но я не стала ничего брать с собой. Мой рюкзак был и без того достаточно тяжёл, и я не знала, что ещё мне предстоит найти в этой заброшенной воинской части.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.